Хэ Сунбай боялся, что его бабушка будет слишком волноваться. На следующее утро, когда все ушли на работу, он пошел на своих травмированных ногах к ней в комнату, чтобы поговорить. Когда сестра Хэ вернулась, она вывела бабушку погреться на солнышке. Ночью брат и сестра были напуганы ее истошными криками. Бабушка чувствовала необыкновенную заботу внучки и внука в последующие несколько дней и пребывала в хорошем настроении.

Однажды Чжао Ланьсян, вернувшись с работы, вымыла руки у колодца, а затем помазала их кремом «Снежинка». Мягкий и жирный крем, касаясь ее кожи, испускал слабый аромат.

Из-за травм Хэ Сунбай не мог ей помогать, поэтому приходилось покорно работать. Эта десятибалльная работа перегрузила слабые плечи Чжао Ланьсян.

Закончив увлажнять кожу кремом, она вдруг услышала, как бабушка Хэ Сунбая, госпожа Ли, холодно позвала ее:

— Иди сюда!

Чжао Ланьсян сильно удивилась, показала на свой нос и спросила:

— Я?

Бабушка Ли ответила ей безэмоциональным выражением лица, а затем сестра Хэ улыбнулась и помахала ей.

Чжао Ланьсян поспешила к ней, а женщина попросила внучку отвести ее в дом.

Она последовала за ними в комнату, где бабушка Ли достала из шкафа лист бумаги. Ее руки дрожали, и она стала что-то писать. Закончив, женщина бросила лист Чжао Ланьсян и сказала:

— Выходи.

Ее голос был очень хриплым.

Чжао Ланьсян посмотрела в мутные глаза старушки и увидела в них равнодушную проницательность. Она вдруг почувствовала, что у бабушки Хэ Сунбая был тот еще характер…

Она вдруг подумала: если она признается этой женщине о своих отношениях с ее внуком, интересно, сохранит ли старушка такое же холодное выражение лица?

Но… такие мысли лишь выдавали желаемое за действительное. Чжао Ланьсян не стала бы так просто сообщать об этом уважаемой бабушке Хэ Сунбая без его согласия.

Она шагнула вперед, взяла записку, положила ее в карман и спросила:

— Бабушка, ты хочешь съесть кашу или что-нибудь еще?

Женщина в это время легла на кровать, закрыла глаза и, повернувшись спиной к Чжао Ланьсян в ответ, сделала вид, что уснула.

Кровать была неровной, и под тонким одеялом виднелись ее ноги. В течение многих лет на деформированные ноги наматывали ткань, чтобы прикрыть их. Однако во время сна ткань свалилась, и лотосовые ступни были обнажены. На них были надеты детские носочки с плотными заплатками. При общении с этой бедной и несчастной старушкой Чжао Ланьсян не собиралась выказывать ни следа недовольства.

Вечером она приняла ванну, постирала свою одежду и наконец достала записку. Она положила ее под лампу и размышляла над написанным: «Иди на сто шагов к северо-востоку от горы Нюцзяо, под робинией».

П.п.: робиния – быстрорастущее лесообразующее засухоустойчивое дерево.

Чжао Ланьсян долго хмурилась, не совсем понимая, что имеется в виду, затем взяла полотенце и высушила мокрые волосы, а записку положила в шкаф.

***

Время шло быстро, простые и скучные дни выздоровления Хэ Сунбая подошли к концу. Лубки с его рук и ног уже сняли, и скоро должно было начаться совещание по обзору и критике.

В этот день партийное отделение деревни и секретарь комитета сидели на стульях, а народ стоял за ними. Секретарь отделения Ли Хундэ большим пальцем постукивал по бумаге, затем свернул сигарету и молча стал курить на своем месте. У Ли Дали тоже было мрачное лицо, он смотрел прямо на стол перед собой.

Какой позор!

На собрание пришли люди и из первой производственной бригады, и из второй. Толпа вокруг бурлила. Присутствовали люди с длинными шеями, которые восторженно смотрели на сцену, но были и скучающие зеваки, которым хотелось пораньше вернуться к своим женам. Однако у большинства людей на лицах ясно читалось злорадство.

Чжао Ланьсян проследила глазами за фигурой Хэ Сунбая, и несколько человек рассмотрели его «преступление». Когда Чжао Ланьсян подошла, настала очередь Пань Юйхуа читать его речь.

В громком голосе мужчины, которому было за тридцать, звучало нескрываемое чувство стыда:

— Я обдумал свое поведение и никогда больше не буду драться без причины, не буду злиться на плохих парней с отсталыми мыслями. Мы должны влиять на них с прогрессивным сердцем. Я прошу прощения у брата Хэ, потому что я побил его незаслуженно.

После того, как он закончил говорить, в толпе раздались скупые аплодисменты. После него настала очередь Хэ Сунбая.

Чжао Ланьсян была зла, услышав отзыв Пань Юйхуа: «Какой ужас, эти извинения явно не от чистого сердца».

Хэ Сунбай без слов вышел на сцену и начал говорить:

— Партийное отделение бригады, революционный комитет. Я, Хэ Сунбай, здесь для того, чтобы провести глубокий анализ своих ошибок. Я происхожу из отсталой помещичьей семьи…

Из толпы донесся разноголосый ропот, и в него кинули лист гнилого овоща.

Хэ Сунбай не придал этому значения и продолжал:

— Я благодарен, что партия не отказалась от меня, дала мне возможность исправиться, позволила мне присоединиться к членам партии, чтобы работать вместе. Я дорожу этой с таким трудом завоеванной возможностью и решил усердно работать до конца своей жизни, чтобы отплатить за все…

Он говорил, а гнилые ошметки снова летели в него, если бы это было не в эпоху недостатка продуктов, то, может быть, бросали бы тухлые яйца! Хорошо, что Хэ Сунбай не узнал, что такое быть забросанным тухлыми яйцами, но в итоге на него вылили ведро какой-то жидкости, из-за чего парня окутала сильная вонь.

Хэ Сунбай легко вытер лицо и весело продолжил:

— Председатель однажды сказал: «Дом надо часто убирать, и если его не убирать, он будет собирать много пыли; лицо тоже надо часто мыть, если его не мыть, оно также будет грязным». Я понимаю свои ошибки, часто размышляю над ними и ценю терпимость партии. Я готов принять наказание и надеюсь в будущем посвятить себя производству! Также спасибо товарищу Ли Дали за помощь!

Его молодой и сильный голос разнесся далеко вокруг, хорошо слышный даже в последних рядах. Услышав его речь, глаза многих людей непроизвольно расширились. Это действительно было хорошо сказано, и он даже смог процитировать мудрость председателя. Ли Дали также был одним из тех, кто впечатлился.

После того, как Хэ Сунбай произнес свою речь, раздались редкие аплодисменты, но они были немного громче, чем предыдущие.

Чжао Ланьсян не маленького роста, поэтому она выглядывала из толпы, чтобы увидеть Хэ Сунбая, но могла видеть только его тень. Увидев, что на него вылили помои, она очень расстроилась.

Хэ Сунбай быстро сошел со сцены и пошел прочь. Поскольку парень шел очень быстро, то на ходу немного прихрамывал из-за недавно заживших травм. Чжао Ланьсян не решилась сразу же догнать его, подождала, пока он уйдет, и медленно пошла в сторону дома семьи Хэ. Увидев, что там никого нет, девушка подхватила юбку и побежала.

Она была здоровым человеком с двумя ногами, но не могла обогнать даже раненого парня! После долгого бега Чжао Ланьсян наконец увидела его фигуру и закричала, задыхаясь:

— Почему ты так быстро ходишь?

Человек перед ней остановился, а затем без колебаний рванул вперед. Чжао Ланьсян стиснула зубы и побежала изо всех сил, чтобы догнать его, а догнав, пристроилась рядом с Хэ Сунбаем.

— Почему ты молчишь?

Хэ Сунбай остановился и беспомощно попросил:

— Не ходи за мной.

А затем быстро побежал вперед. Разбежавшись, он прыгнул в прозрачную речную воду, высоко взметнув брызги.

Чжао Ланьсян внезапно остановилась. Присев на корточки, она посмотрела на его мокрые черные волосы и сказала:

— Почему ты прыгнул в реку? Разбор ошибок, который ты только что сделал, был очень хорош.

Слово «ах» застряло в ее горле, и до ее носа донеслось слабое зловоние. Хэ Сунбай сильно потер лицо и поплыл к берегу. Он приподнял брови и свирепо сказал:

— Ты все еще тут? Хочешь посмотреть, как я буду купаться? Мне нужно раздеться…

Чжао Ланьсян завороженно смотрела, как он снимает с себя одежду, и внезапно на ее щеках появился румянец. Она встала, топнула ногой и ушла.

Хэ Сунбай почувствовал облегчение. Он действительно боялся ее.

После того, как девушка ушла, Хэ Сунбай непринужденно снял одежду и стал мыть свое тело. Набрав в ладони свежую воду, он стал умываться и до такой степени натер свое лицо, что то стало таким красным, как будто с него содрали слой кожи.

Хэ Сунбай был настолько грязен, что испытывал отвращение к самому себе.

Через некоторое время он поднял голову и вытер лицо ладонью. Открыв глаза, парень увидел нечто, что почти до смерти напугало его. Его конечности свело судорогой, и он едва не опустился на дно реки.

Хэ Сунбай увидел, что женщина, которая уже ушла, вернулась. Краснея, она с притворным спокойствием спросила:

— Где ты положил свою одежду? Я взяла мыло, чтобы постирать ее.

Тело Хэ Сунбая окатило волной жара, словно его охватило пламя. Он долго сдерживался, прежде чем выдавить:

— Маленькая негодяйка…

Его уши внезапно покраснели, и он поспешно присел, скрывая свое худое тело речной водой.

Чжао Ланьсян осмотрелась и вскоре нашла его потрепанную одежду. Не обращая внимания на то, что та была грязной и вонючей, она достала мыло и, натерев ее, пока не появилась пена, аккуратно постирала все в реке.

У Сунбая были такие темные глаза, что из них чуть не капало масло. На самом деле, он уже вымылся, только ждал, когда можно будет одеться.

После того, как Чжао Ланьсян постирала одежду, она выжала ее, аккуратно расправила и положила на траву, затем повернулась и исчезла.

Когда девушка ушла, Хэ Сунбай с невероятной скоростью выскочил из воды и оделся.

***

Закончив обзор, Пань Юйхуа с позором последовал за женой домой.

Госпожа Пань живо сказала:

— Можно сказать, что я помогла тебе выпустить гнев.

— Ли Эр и Ли Сань пришли с ведром мочи, а потом… хе-хе-хе. Эй, ты тоже видел это, разве ты не чувствуешь облегчения? — она поверхностно улыбнулась, и ее лицо стало самодовольным.

От слов жены Пань Юйхуа не почувствовал облегчения, ведь он только что выступил с обзором перед жителями деревни и принял наказание от секретаря отделения! В этот момент его сердце все еще страдало. И пока он сожалел, то все больше и больше испытывал отвращение ко второму ребенку Хэ.

Всю жизнь мужчина поддерживал невинную репутацию, а теперь надел шляпу «создателя проблем».

Пань Юйхуа с угрюмым лицом произнес:

— Хватит болтать, иди домой.

Госпожа Пань ответила:

— Твоя вторая сестра, у которой нет совести, не знаю, где прячется. Она вернулась из школы, и я только что встретила ее на собрании. Ты, старший брат, был отстранен от занятий из-за нее. Я не знаю, как тебя утешить!

Пань Юйхуа вздохнул и сказал:

— Иди и найди ее. Если она посмеет пойти ко второму ребенку Хэ, сломай ей ноги.

http://tl.rulate.ru/book/46619/1814663